

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПРЕМЬЕРА

Сон классика

«Пиковая дама» продолжает взятый Театром-Театром курс на современные интерпретации отечественной классики

Юлия Баталина

«Супер БМ считает, что спать надо с русскими классиками», — шутили актёры Театра-Театра на фестивале театральных капустников «Солёные уши». В очень большой степени это относится к одной из последних премьер театра — «Пиковой даме» Пушкина в инсценировке и постановке молодого, но уже укоренившегося в театральном истеблишменте режиссёра Никиты Гриншпуна. После премьеры зрители признавались, что с трудом удерживались от сна, а полуторачасовой спектакль показался им, по меньшей мере, четырёхчасовым. В то же время есть и те, кто считает это ценнейшим пополнением репертуара пермской «драмы», тонкой и многослойной работой, дарящей зрителю изысканное удовольствие долгого переживания и обдумывания.

ФОТО АЛЕКСЕЙ ГУЩИН

Умирая, графиня (Ирина Максимкина) стремительно молодеет

Почему спектакль, сделанный как настоящее произведение театрального искусства, не стал в Перми хитом, это настоящая загадка.

«Пиковая дама» — логичное продолжение «генеральной линии» театра на современное прочтение русской классики. Провозгласил этот курс, правда, Владимир Золотарь, заехавший сюда ненадолго и поставивший лишь один спектакль «в тему» — «Анну Каренину». Но, похоже, тема оказалась благодатной: тут и спектакль Бориса Мильграма и Филиппа Григоряна «Дядюшкин сон», и «Горе от ума» того же Григоряна, и «Анна Каренина» самого Золотаря, и недавний «Гусев» по Чехову в «Сцене-Молот».

Проза Пушкина уже заняла своё место в этой истории — в «Сцене-Молот» идёт прекрасная «Метель» (инсценировка Василия Сигарева, постановка Алексея Логачёва), поставленная живо и энергично. Ирина Мальцева в роли Марьи Гавриловны бесподобно играет растерянную женщину, которая сама не понимает своего положения и не знает, как себя вести. Верно найденная тональность и выразительная главная героиня — и пушкинская «Метель» состоялась.

С «Пиковой дамой» всё не так однозначно.

Никита Гриншпун, который не только поставил спектакль, но и инсценировку сам написал, обошёлся довольно радикально с текстом повести.

Он превратил её в подобие какого-то «нового романа» радикальных французских авторов XX века: повторы, обрывки фраз, уход от линейного сюжета. Это могло бы быть вполне уместно в спектакле, имеющем дело со снами, видениями и прочей «готикой», если бы так не запутывало зрителя. Если кто не так уж хорошо помнит со школьных лет сюжет повести, ему непросто будет разобраться в событиях и мотивах.

Три находки в этой «Пиковой даме» по-настоящему сильно впечатляют. Это, несомненно, остроумная сценография Зиновия Марголина. Спектакль в целом выдержан в стилистике минимализма, и декорации состоят из узких наклонных серых плоскостей, между которыми кое-где поставлены как бы чугунные чёрные оградки. Вот и весь Петербург — тут и пейзажи, и интерьеры. Но благодаря умело поставленному свету и причудливому движению актёров, которые то перебегают по «мостам» через «каналы», то катятся под «ледяную горку», Петербург самым парадоксальным образом оживает — появляется полнейшее ощущение какой-то сумеречно-зимней питерской графики.

Кроме того, сильнейший эффект производит образ старой Графини. Поначалу кажется, что решение занять в этой роли изящную Ирину Максимкину, которую невозможно узнать в костюме парике и «гриме», состоящем из бумажных полосок — «морщин», — просто-напросто режиссёрский каприз. Но когда доходит до сцены смерти старухи, становится понятно, что в этом есть тайный смысл: умирая, графиня преображается — исчезают седые космы, «морщины», тяжёлые стариковские тряпки — освобождаясь от брэнной плоти, душа женщины обретает свой истинный облик — вечно молодой, лукавый, живой и подвижный.

Наконец, невозможно не восхититься образом Лизы в исполнении Ксении Даниловой. Вместо романтической героини — замухрышка в сером балахоне, такая махонькая, что возраст ни за что не определить. Но именно благодаря этой невыразительной внешности актрисе удалось сыграть фантастически точно и достоверно полудетскую женскую мечту о романтическом счастье, скрытое, подавленное желание вырваться из постылой повседневности и умиленное, за душу хватающее простодушие.

И всё же этой «Пиковой даме» чего-то очень не хватает. Безумия.

Минималистичный, по линейкам расчерченный мир спектакля самой своей фактурой протестует против идеи безумия. Разумеется, нет здесь никакого побега сквозь вьюгу от грозного Медного всадника, но это не так важно: главным проводником безумия, порождённого алчностью, помноженной на безденежье, должен быть Германн, а он таковым в спектакле не является. Сергей Детков играет уравновешенного, расчётливого инженера, и после рокового проигрыша ничто в нём не меняется. Лишь слетники доносят до нас новость о том, что Германн попал в сумасшедший дом.

Очень не хочется писать это о талантливом и не случайно очень востребованном актёре, но второй раз после «Горя от ума» главный герой спектакля в его исполнении совершенно теряется. Пожалуй, это вина не Деткова, а режиссёра: тот сам, видимо, не очень понял, каким должен быть Германн в предлагаемых сценических обстоятельствах.

Несмотря на то что актрисы сделали всё от них зависящее, чтобы приблизить спектакль к зрителю, без главного героя он не трогает, не волнует. Даже отчаянные любители интеллектуального театра остаются равнодушными, и самая хвалебная зрительская реплика-оценка, звучащая после того, как закрывается занавес, — «Это любопытно». ■